

«КРЕПКИЙ ХОЗЯИН»

НТ

ИЗУС. (Из биографии осужденного «тройкой» УНКВД)

В НАШЕМ СЕЛЕ Белосток Грик Иосиф Августович еще при единичной жизни был в числе крепких хозяев. Приехав в Сибирь вместе со своим отцом одиннадцатилетним парнишкой из-под Гродно, наравне со взрослыми принимал участие в налаживании семейного хозяйства. Корчевал, пахал, сеял, жал... Пришло время — женился, отделившись от отца, стал заводил свое хозяйство. Собственными руками построил двухэтажный дом — пятистенок. Постепенно благодаря многолетнему труду от зари до зари жизнь входила в нормальное русло. Надежной опорой в старости обещали стать 7 сыновей и дочь...

Однако неспокойно было на душе у Иосифа: со всех сторон власти давили налогами, хлебозаготовками, кое-кто из сельских активистов пытался свести личные счета, подступала коллективизация...

В один из вечеров стоявший у них на квартире председатель сельсовета "подружески" посоветовал Иосифу из села уехать, иначе обещал раскулачить и сослать "куда Макар телят не гонял". Ничего не оставалось, как распродать за бесценок нажитое годами добро и уехать из родных мест (не он один тогда покидал свой обжитый места...). Так в 1932 году оказался Иосиф Грик в Кожевниковском районе Запсибкрая. Поселился в небольшой деревушке Никифоровке и вновь принялся обихаживать землю — кормилцу, благо, что она здесь была намного плодороднее нариямской. Попемногу обжился и на новом месте.

Однако и здесь власть была та же: те же хлебопоставки, налоги, коллективизация... Налоги платил сполна, но вступать в колхоз категорически отказывался. Так и не создал колхоза в польской деревушке Никифоровке вплоть до 1938 года. А после уже началась другая кампания...

20 января 1938 года за всеми мужиками — поляками приехали сотрудники НКВД. Зашли они и в дом Грика Иосифа, но не застали его дома. Почти полгода скрывался он от ареста, но в конце концов был председателем сельсовета выслежен и арестован.

Что с ним стало в дальнейшем, не удалось узнать: материалы его архивно-следственного дела, хранящегося в архивах Томского КГБ. Об обстоятельствах своего ареста Иосиф Августович написал сам в своей жалобе на имя председателя Верховного суда РСФСР в мае 1940 года из мест заключения следующее: "... 5 июля 1938 года меня арестовал председатель Осинковского сельсовета Кожевниковского района и направил в районную КПЗ, где я пробыл два дня. Затем меня направили в томскую тюрьму, где я просидел шесть дней. Там (в тюрьме — Х.В.) меня вызывали для подписи моего материала, я просил зачитать мой материал и мое обвинение, но мне его не зачитали и принудительным путем заставили подписаться. И я был вынужден подписаться. После моей подписи меня обратно посадили в тюрьму, где я просидел семь месяцев до 6 февраля 1939 года. Затем меня направили в этап, а перед этапом зачитали, что я приговорен к 8 годам лишения свободы (...). По своему судению я приговорен к лишению свободы как национал, так как мои родители проживали в Польше..."

Там в чем же все-таки в действительности обвинялся И.А. Грик и кто "состряпал" его дело? Находим ответ в его уголовном деле на эти и другие вопросы. Справку на арест его составил лейтенант госбезопасности Редманов, временно исполняющий дела начальника Томского горотдела НКВД, утвердил ее начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности Мальцев, постановление о предъявлении обвинения сочинил младший лейтенант госбезопасности Горбенко, а всю черновую работу по его делу (проведение допросов, вернее, их сочинение и составление обвинительного заключения) провел оперуполномоченный сержант госбезопасности Иванов. Протоколов допроса в "деле" всего два: от 6 июля, где записаны анкетные данные, и от 16 июля, в котором написано, что он сознался в том, что является членом шпионско-диверсионной националистической группы, которая якобы являлась одной из ретепур общей шпионской организации на территории Западной Сибири...

В руководители названной шпионской группы, состоящей из двух человек (к лету 1939 года почти никто из поляков — мужчин на свободе не находилось), следователь НКВД "определил" Згурского Адама, поляка 1891 года рождения, слесаря гаража Кожевниковского райпотребсоюза, сосланного в 1933 году на пять лет в Сибирь из Минска. Однако еще раньше "признательных" допросов, проведенных сержантом Ивановым, его начальник Горбенко в постановлении о предъявлении обвинения записал, что он, "рассмотрев материал (какой? — Х.В.) по делу Грика и приняв во внимание, что гражданин Грик, уроженец Польши, нелегально перешел границу" (уж не в детском ли возрасте в начале века при переезде в Сибирь). Далее в этом документе говорится, что "Кожевниковское РО НКВД располагает данными о том, что Грик и Згурский распространяют контрреволюционные измышления отом приближении войны фашистских государств против СССР и неизбежной гибели Советской власти. Клеветают на руководителей партии и правительства, провозглашают контрреволюционную агитацию среди колхозников за выход из колхоза (...). Имеют переписку с родственниками, живущими за границей, в целях организации фашистских капиталистических организаций". За все вышесказанное "дело" возбудили Грик и Згурский приговором "тройки" УНКВД от 19 октября (приказ № 1901) по 8 лет лагерей по челому "букету" 58-й статьи УК РСФСР: 58-4-6-9-10-11.

Написав в сороковом году из Сенураллага НКВД жалобу по инстанции, Грик Иосиф просил разобраться с его делом и пересмотреть приговор. Видновым он себя не признавал. Надо сказать, что жалоба его дошла до вышестоящих инстанций, и была назначена дополнительная проверка по его делу. 19 февраля и 19 марта 1941 года были допрошены бывшие односельчане Грика — Декеревич Мальвина и Гаврицкая Елена. Обе они, несмотря на страх, так как у самих мужья были арестованы органами НКВД, охарактеризовали Иосифа Грика как хорошего односельчанина и законопослушного гражданина, всегда в срок выполнявшего все денежные и натуральные платежи государству. Сказали они и о том, что никаких контрреволюционных высказываний от него не слышали. Однако их показания к делу приобщены не были, других следственных "мероприятий" не проводилось, и никакого решения по делу Грика принято не было.

Как известно, жизнь лагерная не сахар. Каждый день в любой момент мог стать последним в жизни "простого советского эска". Между тем дни шли за днями, один год "отсидаки" сменял другой, и конца им не было видно... Как потом рассказывал Иосиф односельчанам, в лагере он занимался тем, что плел лапти для эсков, полностью лишился зубов и совсем не думал, что останется жив...

На его счастье, 5 февраля 1943 года он был комиссован и досрочно освобожден. Согласно директиве комис-

сариата юстиции и прокурора СССР от 23 октября 1942 года за № 467, лагерному начальству разрешалось досрочно освобождать "беснадежных" доходяг умирать дома. Грику "повезло", а вот его одноплеп Згурский, не выдержав тягот лагерной жизни, 15 января 1945 года умер.

А между тем заявление, написанное Гриком еще в сороковом, с просьбой о пересмотре дела и последующем изменении приговора неспешно продолжало свое движение в потоке канцелярской волокиты. 13 сентября 1945 года жалоба Грика попала к следователю управлению МГБ по Томской области Бабиковой. Та же, воспитанная в "лучших традициях славных чекистов" 30-х годов, рассмотрев жалобу и архивно-следственное дело под № 796234 по обвинению Грика и Згурского, нашла, что осуждены они были абсолютно правильно, в совершенных "преступлениях" сознались, "...изобличались показаниями двух человек, а также, принимая во внимание, что Грик из лагеря освобожден в связи с тяжелым заболеванием", постановила ходатайство Грика о пересмотре дела оставить без удовлетворения. Одним словом, по-прежнему Иосиф Грик оставался прагом народа, лишенным всех прав и средств к существованию. Следователю Бабиковой на это было, по всему видно, просто наплевать.

Нет, дома он не умер, как рассчитывали тюремщики. Крестьянская выносливость, более-менее сносная жизнь позволили ему немного-восстановить свое здоровье. После освобождения из лагеря он вновь вернулся в места своей молодости: сначала жил в Красноярине, а чуть позже переехал в Белосток, где прошла большая часть жизни, где были похоронены родители. Мечтал вновь "встать на ноги", стал выращивать свинью, овен, корову. И даже нарыл, разбивши жезл Степанову, не застали его из-зажаться от вековой мечты крестьянина.

Жил в селе тихо и незаметно, стараясь ничем не напоминать "органам" о том, что еще жив: как бы вновь не отправили "досижать" свой срок. Только в 1959 году решился и написал заявление в областной КГБ с просьбой выслать справку о его "непричастности и каком-либо преступлении", отметив, что справка необходима для восстановления стажа работы. Не дождавшись в течение более 7 месяцев ответа, он 28 ноября 1959 года вновь написал заявление, но уже на имя прокурора области. На этот раз заявлению был дан ход. После детального изучения его уголовного дела и дополнительной проверки определенным Военным трибуналом СибВО от 25 января 1960 года постановление "тройки" УНКВД от 19 октября 1938 года по Грику и Згурскому было отменено из-за "отсутствия события преступления".

Однако с завестой справкой о реабилитации Иосифу Августовичу долго пожить равноправным гражданином не пришлось... Однажды он попался "под горячую руку" одному из колхозных активистов и был беззаконно и збит так, что "тронулся головой" и 8 марта 1961 года после кровоизлияния в мозг и парализации скончался.

Ничто сегодня не напоминает в селе о некогда крепком хозяине Грике Иосифе. Разве что косогор, где когда-то стоял его двухэтажный дом, старожилы по-прежнему зовут "Гриковой горой"...

Василий ХАНЕВИЧ.